

Анна
Летягина

ПЕРЧАТКИ АРИАДНЫ

СТРАШИЛКИ

Анна Леонидовна Летягина
Перчатки Ариадны
Серия «Страшилки»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64873517

*Перчатки Ариадны:
ISBN 978-5-17-136338-3*

Аннотация

Школьный конкурс талантов – шанс для Вики проявить себя и стать наконец-то заметной. Но кто же ее туда возьмет, если у нее нет никаких способностей? Внезапно у нее появляется возможность воспользоваться чужим талантом. Только вот за такой щедрый подарок придется расплатиться – ведь он принадлежит девочке Ариадне из мира теней, законы которого очень суровы.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анна Лetyагина

Перчатки Ариадны

© Анна Лetyагина, текст, 2021

© Диана Лапшина, ил. на обл., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

«Невидимка»

Нет, ничего не получится. Никто из одноклассников на нее даже не взглянул сегодня. Сидя за партой на скучнейшей физике, Вика тоскливо накручивает на палец африканскую косичку с ярко-желтым шнурком, вплетенным в нее. Она трудилась над этими косичками, путаясь в разноцветных шнурках, целое утро перед школой – даже вспотела, а в итоге получилось всего двенадцать штук – больше не успела. К тому же вышло все как-то неаккуратно, и вообще... Кого сейчас удивишь этим? Прической, которая вышла из моды, когда еще ее мама была такой же школьницей. А радужные шнурки сделали ее волосы похожими на перья попугая. Сразу можно было догадаться, что нужно совершенно другое, и стоило придумать что-нибудь поинтереснее! Теперь она снова – просто невидимка для всех. Как всегда. Единственной подружки-одноклассницы Ритки сегодня опять нет – она уже неделю болеет. Вот она точно устроила бы шумиху по поводу новой прически Вики и привлекла бы этим хоть какое-то внимание остальных: Ритка всегда очень громкая, задорная и активная.

А сейчас на душе так паршиво – хоть плачь. После звонка Вика нехотя плетется на следующий урок. Какой там, кстати,

следующий? И в каком кабинете? Да все равно. Куда все – туда и она. Дойдя до двери с табличкой «401», она останавливается. Точнее, ее останавливает Тата Зимкина, с противной ухмылкой встав на пороге и расставив руки в стороны:

– Ну а ты-то куда? Можешь идти домой. Уроки закончились.

– А ты... а вы?

– Мы тут сейчас к конкурсу будем готовиться. Поэтому и говорю: можешь не задерживаться.

Вообще-то она – Таня. Но девчонок с таким именем в школе – пруд пруди. Окликнешь в толпе на большой перемене – полкоридора обернется. Вот она и решила в пятом классе перестать быть одной из многих, то есть просто-напросто отказалась от обычного и скучного имени Таня. И превратилась в Тату. И сразу же стала местной знаменитостью. «А, та самая Тата!», «О, а вон Тата идет!» – часто приходится слышать то здесь, то там. Стоило всего лишь поменять имя – и вот. Кроме этого своего прозвища, Тата больше ничем не способна привлечь внимание. Ну разве что модными заграничными шмотками.

Вика снова злится на себя – да-да, на саму себя, а не на зазвездившуюся Татку: вот почему ей самой не хватает ума придумать что-нибудь такое? Хотя что-нибудь, чтобы наконец-то стать заметной! Да пусть начнут ее хотя бы по «обычному и скучному» имени Викой называть, а не «Ну», «Эй» или «Послушай». Что бы такого сделать, а?

– Что за конкурс? – решается она спросить Тату, не надеясь особо на ответ.

А вдруг это ее, Викин, шанс? Школьная «звезда» только устало закатывает глаза и нехотя отвечает:

– «Покажи талант». Между всеми шестыми. Ашки, бэшки, вэшки: все «шестерки» наши участвуют.

– И что там нужно будет делать?

– А ты догадайся, – издевательски хмыкнув, выдает Тата.

– Можно мне посмотреть, как вы будете готовиться? – набравшись смелости, выпаливает Вика.

– Это еще зачем?

– Просто интересно. А вдруг... вдруг я тоже захочу участвовать. В конкурсе же все могут участвовать, наверное? Все желающие?

Тата прыскает со смеху, вытаращив на Вику свои и так огромные карие глаза и тряхнув каштановыми локонами.

– Послушай, а тебе-то это зачем? Да и что ты вообще можешь показать, какой талант? Ты же ничего не умеешь.

Вике нечего возразить. Она понимает, что Тата совершенно права, хотя признавать это очень неприятно. Если представить, будто ей прямо сейчас надо выйти на сцену: что она там будет делать? Петь? Но у нее нет слуха и ужасный писклявый голос, да и современную музыку она не любит. Танцевать? Ну да: только если спародировать какого-нибудь известного танцора. И то не смешно получится, а просто уродливо. Стихи она всегда плохо запоминала, руками делать ни-

чего толком не умеет, потому что они какие-то неуклюжие и вообще «не оттуда растут». Так что зря она полезла к Тате со своим вопросом – надо было сразу развернуться и уйти отсюда. С самого начала ведь ясно стало, что ей тут не место.

Тата, будто подслушав мысли Вики, заявляет вдруг с поддразнивающими и хвастливыми нотками в голосе:

– А я вот буду делать Маринке обалденную вечернюю прическу. Прямо на сцене!

Понятно. «Да, мне тут точно не место, это все не для меня», – со злостью и досадой не на Тату, а на саму себя думает Вика. А они все пусть занимаются чем угодно. Ей все равно. Буркнув «пока», Вика разворачивается и уныло плетется к лестнице. И вот вроде бы она сказала себе, что ей все равно, а ведь на самом деле это не совсем так – вернее, совсем не так. Придя домой и переодевшись, Вика садится на диван и молча, с грустью смотрит на черный экран выключенного телевизора. Потом переводит взгляд на пианино. Оно уже покрылось тонким слоем пушистой пыли – мама снова будет ругать Вику за то, что она вовремя не убирается дома. Это пианино старше даже бабушки: на нем играла и она сама, а потом и мама Вики. А сама Вика... Ее очень давно почему-то не приняли в музыкальную школу. Наверное, потому, что у нее совершенно не было таланта, да и сейчас нет. Из-за чего же еще? Она просто неумеха! Подойдя к пианино, Вика начинает яростно пинать его ногами, увидев вдруг в нем виновника всех своих бед.

– Ну зачем ты так? Оно же ни в чем не виновато. К инструменту надо относиться бережно.

Нежный, тонкий и звонкий голос. Совсем незнакомый. Обернувшись, Вика с удивлением обнаруживает рядом с собой худенькую девочку. На вид ей лет двенадцать – столько же, сколько самой Вике. Ее легкое пышное платье изумрудного цвета выглядит каким-то несовременным, старомодным, но в то же время невероятно красивым. Такие же, как платье, изумрудные глаза смотрят сейчас на Вику дружелюбно, по-доброму.

– Нам с сестрой его подарили на Новый год семь лет назад. И мы сразу начали учиться на нем играть. Пожалуйста, не бей его больше. Давай я тебе лучше сыграю что-нибудь.

От потрясения Вика не может произнести ни слова. Поэтому она, не шевелясь, молча наблюдает, как незнакомая девочка садится за пианино. Ее длинные изящные пальцы, почему-то обтянутые черными ажурными перчатками, начинают легко скользить по клавишам. Туда-сюда, туда-сюда. Это похоже на какой-то удивительный танец. Вика и представить не могла, что ее ровесница может быть способна на что-то подобное: музыка, которая наполняет собой комнату и, кажется, весь мир вокруг, просто невероятная! Как же талантлива эта незнакомка! «Не то что я», – с грустью думает Вика. Но грусть тут же растворяется в чарующих звуках музыки. Вика очарована и совершенно не думает о том, что не мешало бы спросить незнакомку, кто она такая, как вообще

здесь оказалась и почему считает это пианино своим. Вспоминает она об этом только тогда, когда девочка перестает играть.

– Прости, я ведь даже не представилась. Меня Ариадной зовут. А ты – Вика, я знаю.

– А как ты сюда вошла? И... кто ты такая?

Ариадна отвечает Вике лишь улыбкой. И тут вдруг Вика видит, что улыбается ей вовсе не девочка, а жуткий скелет в изумрудном платье с черными дырами в черепе вместо глаз и рта!

Онемев от страха, Вика выбегает в коридор, а потом – в бабушкину комнату, которая ближе остальных, и сразу же запирает ее, повернув ручку. Как назло, дома сейчас никого нет: ни мамы с папой, ни бабушки. Вика прислушивается: из гостиной не доносится ни звука, но она все равно больше туда – ни ногой! Пока хоть кто-нибудь из взрослых не вернется домой!

Глава 2

История Ариадны

Вика слышит звук открывающейся входной двери.

– Викуля, ты дома?

Бабушка. Рассказать ей все или нет? Она же, наверное, не поверит. Никто не поверит. А если и они тоже увидят Ариадну? Там, в гостиной. Сидящую за пианино. Тогда, может, надо предупредить их?

– А ты чего закрылась тут?

Бабушка Мила – добрая и понимающая. Она всегда готова выслушать и дать мудрый совет. Поэтому Вика обычно ей все рассказывает. Ну, почти все. Но сейчас она не может, просто не может начать разговор об Ариадне. Что-то как будто мешает ей, не дает заговорить. Или кто-то. «Еще не время», – слышит Вика вкрадчивый шепот в своей голове и вздрагивает.

– Ба, я... просто мне грустно. Вот.

«И страшно», – хочется добавить Вике, но язык не поворачивается. Бабушка улыбается и обнимает Вику. В ее объятиях всегда тепло и спокойно.

– Ну, рассказывай. Откуда грусть-тоска взялась?

А может, и вправду рассказать? Не об Ариадне и своем недавнем испуге, а о том, из-за чего она, Вика, загрустила и

даже забыла купить по дороге хлеб, хотя мама попросила ее об этом в СМС. О том, что произошло в школе: про конкурс талантов, в который ее никогда не возьмут, про Тату...

Бабушка садится в свое любимое старое кресло, накрытое пушистым пледом, берет со столика конфетницу и протягивает Вике:

– Даже если ты еще не обедала, разрешаю тебе взять одного «Медвежонка в лесу». Одна штучка точно не испортит тебе аппетит – зато взбодрит и развеселит.

Бабушка иногда разрешает Вике то, что запрещают родители. Но только если это что-то безвредное. Ну, то есть не очень опасное, пусть и не особо полезное. Какое-нибудь «запретное детское удовольствие», как это называет бабушка: одна шоколадная конфета, съеденная перед обедом, например.

Съев конфету, Вика и вправду чувствует, что грусть потихоньку отступает, и ей хочется поговорить с бабушкой по душам.

Вот она уже рассказывает захлеб о конкурсе и о том, как ей поначалу было интересно, что это такое, как захотелось даже узнать, а можно ли принять участие. А потом... Потом она поняла – ну, то есть Тата ей заявила, – что это конкурс для способных, одаренных, а у нее, Вики, никакого таланта нет. Совсем никакого. Значит, и конкурс ей «не светит», и одноклассники будут продолжать относиться к ней как к пустому месту.

Слушая Вику, бабушка улыбается и понимающе кивает головой. Когда рассказ подходит к концу, она подмигивает внучке и с хитринкой в голосе спрашивает:

– И ты вот так сразу поверила этой вашей Тате?

– Поверила?

– Ну, она тебе сказала, что ты ничего не умеешь, ни на что не способна, – и ты с ней согласилась.

– Да я же...

– Ох, Викуля, Викуля. А ты знаешь, что нет в мире ни одного человека без таланта и способностей? Особенно если у него наследственность хорошая.

– Наследственность? То есть если у человека были талантливые предки?

– Да! А у тебя – были. Значит, ты именно такой человек! Талантливый и способный.

– Но я же ничего не умею. Вроде бы...

– А вот ты сначала послушай меня. Потом посмотрим, повторишь ли ты свое «ничего не умею».

Бабушка встает и подходит к шкафу. Достав из него огромный семейный фотоальбом, она снова садится в кресло. Вика смотрела его лишь однажды, и тогда она поняла, что ей старые черно-белые фотографии совсем не нравятся. Они такие скучные. И выглядят плохо: потрепанные, потрескавшиеся, с неприятным желтоватым оттенком. К тому же на них, в основном, какие-то незнакомые люди. Ну, кроме бабушки и мамы в молодости, но и они там совсем другие: не

такие, как сейчас.

– Знаю, что ты никогда особо не интересовалась прошлым нашей семьи, но сегодня я расскажу тебе одну увлекательную историю. С горьковатым привкусом печали.

Сказав это, бабушка перестает улыбаться и задумчиво тербит потертую, выцветшую обложку фотоальбома.

– Жила-была девочка. Ее звали Мила.

– Мила – это же ты, ба?

– Да, я, но история не обо мне. У Милы была младшая сестра. Не было, казалось, ничего такого, чего она бы не умела. Она прекрасно играла на пианино, пела, танцевала, рисовала.

Все ей удавалось, за что бы она ни взялась. Но, к сожалению, в раннем детстве с ней произошел несчастный случай. Когда загорелась пристройка на даче, она была внутри, и ее не смогли вовремя вызволить оттуда. После пожара у нее на теле и руках остались шрамы. Больше всего пострадали руки. Ожогов она очень стеснялась, поэтому с тех пор всегда носила черные ажурные перчатки – в них она делала все.

Услышав про перчатки и пианино, Вика замирает и даже перестает дышать на несколько секунд. Вопрос вырывается у нее мгновенно – как только она немного приходит в себя:

– А как ее звали, эту девочку, твою сестру?

– Ариадной. Мы, близкие, называли ее Адой.

– И г-г-где она сейчас? – заикаясь от шока, спрашивает Вика.

– Ада умерла в детстве – ей было всего двенадцать лет.

«Как мне сейчас!» – с ужасом думает Вика.

– Из-за ожогов?

– Нет, шрамы были не смертельные. От воспаления легких. Ее не смогли тогда спасти. Не успели.

Вике кажется, что в глазах у бабушки блестят слезы, а голос ее дрожит. У Вики нет братьев и сестер, но она вдруг очень ясно представляет, каково это: потерять близкого человека навсегда и точно знать, что больше никогда с ним не обнимешься, не увидишь его, не поговоришь с ним. Точнее – с ней. От этого Вике становится так горько и тяжело на душе... Немного помолчав, бабушка продолжает рассказ:

– Адой восхищались все. Это было просто удивительно: как в одном человеке могло уживаться столько талантов? При этом Ада совсем не зазнавалась. Она не считала себя какой-то особенной и со всеми общалась на равных. И это вызывало еще большее восхищение: ведь, кроме творческих способностей, у нее были еще и замечательные человеческие качества – доброта, чуткость, честность, трудолюбие. Я тебе не зря начала рассказывать о ней, Викуля. Подойди сюда.

Вика подходит к бабушкиному креслу, и они вместе начинают листать альбом, в котором оказывается совсем мало фотографий Ады. Те немногие, которые Вика видит там, вызывают у нее одновременно восторг и ужас. С одной стороны, девочка на этих снимках очень милая, улыбчивая, легкая и будто порхающая, подобно бабочке, в ее глазах светятся ум

и вдохновение. С другой стороны, каждая следующая фотография все больше подтверждает, что Ада невероятно похожа на... Вику. И Вика – на Аду. Хотя они все и черно-белые, но Вика ведь помнит ту Ариадну, с которой она недавно познакомилась в гостинной. Сейчас воспоминание о ней словно придает цвет этим фотографиям, делает их яркими и живыми, и вот Вика видит на них свои собственные изумрудные глаза, медового цвета волосы, тонкие, изящные губы и ямочки на щеках, которых она всегда почему-то стеснялась. Как же страшно узнать вдруг, что ты похожа на мертвую девочку! Страшно и в то же время волнительно, любопытно, интригующе.

– Ты заметила, да, Викуля? Вы же с ней удивительно похожи. Подумай: не значит ли это, что у тебя может быть все то, что было у Ариадны? Кроме внешнего сходства.

– Что ты имеешь в виду, ба?

– Способности, конечно. Талант.

– Но я ведь и вправду ничего не умею!

– А ты разве многое успела попробовать? Ты же любишь истории о приключениях и поисках сокровищ. Хотя в одной книге ты видела, чтобы сокровище находилось там, где любой может его найти? Оно всегда скрыто. Зарыто очень глубоко. Надо очень постараться, чтобы отыскать его. Разве не так?

– Так, но... Это же книжное волшебство. Все вот эти чудесные сокровища.

– Поверь: в жизни волшебство происходит гораздо чаще, чем в придуманных историях, – надо только немного помочь ему случиться, и это в наших силах, если очень сильно захотеть. Сейчас я тебе покажу еще кое-что.

Бабушка подходит к старому деревянному шкафу со скрипучей дверцей и, распахнув ее, достает из темных глубин сначала изумрудное платье, а потом черные ажурные перчатки. Вика удивленно смотрит на эти вещи, и, несмотря на страх и оцепенение, ей очень хочется потрогать их. Она нерешительно протягивает руку и прикасается к платью. Оно очень приятное на ощупь, пальцы утопают в воздушных складках ткани. Но гораздо больше ее почему-то привлекают перчатки.

– Можешь примерить и то и другое. Думаю, Ада была бы не против.

Бабушка, улыбаясь, протягивает Вике платье и перчатки. Переодевшись, Вика подходит к зеркалу – ей не терпится взглянуть на себя. Или на Аду? Оттуда ей улыбается и подмигивает ее собственное отражение. Или сама Ада? В какой-то момент луч света падает как-то по-особенному, и Вика видит перед собой...

черно-белое изображение Ариадны, как на фотографиях в альбоме. Ада одними губами, не произнося ничего вслух, шепчет: «У тебя может быть все то, что было у меня». Вика растерянно смотрит на свои руки, обтянутые черными перчатками. И ей вдруг кажется, что у нее и вправду теперь есть

все. И что она сама может все.

Глава 3

Новый член семьи

То, что сказала Вике Ада, глядя на нее из зеркала, не дает ей покоя. «У тебя может быть все то, что было у меня». Каждый раз, вспоминая эти слова, Вика чувствует в себе силу и уверенность. Только вот что делать дальше с этим «магическим заклинанием»? Как отыскать в себе «сокровище», о котором говорила бабушка? Спросить об этом Вика не решается, потому что история Ады и сама Ада пока что вызывают у нее больше страха, чем интереса и любопытства. Именно поэтому она до сих пор не рассказала бабушке о том, что уже два раза видела Аду, будто живую, и даже говорила с ней.

И все-таки Вика, преодолевая волнение и оторопь, уже несколько раз тайно примеряла черные ажурные перчатки, когда никого не было дома. Надевать снова еще и платье она боялась – в нем она была уж слишком похожа на Аду. Да, Вике иногда хотелось побыть Адой, но только некоторое время и как бы понарошку. И перчатки вполне годились для такого временного перевоплощения. Сегодня утром она, снова надев их, даже села за пианино и уже почувствовала желание попробовать сыграть на нем что-нибудь. Ей показалось вдруг, что она точно сможет! Но она тут же отдернула руки от клавиш, будто они были раскаленными, когда вспомнила,

как у нее на глазах играющая Ада превратилась из живой девочки в жуткий скелет.

Вечером мама с папой говорят, что завтра – родительская суббота, день поминовения, поэтому они пойдут на кладбище, чтобы навестить могилы умерших близких. Вика с ними туда не ходит с тех пор, как поняла, что ужасно боится смотреть в глаза мертвых людей с фотографий на памятниках и крестах. И завтра она, конечно, никуда не пойдет. Так Вика думает, пока бабушка не зовет ее к себе в комнату и не предлагает ей кое-что совершенно неожиданное:

– Хочешь навестить Аду?

Ничего себе! Вот так предложение! Оказывается, могила Ады находится на другом, старом, кладбище, где когда-то хоронили гениев, детей из аристократических семей и вообще выдающихся людей. Бабушка туда всегда ходила одна, потому что Аду знала только она. Вике об этом до сих пор было ничего не известно.

– Я и сейчас очень переживаю, мне трудно вспоминать о ней. Не могу смириться, что Ады больше нет, хотя уже столько лет прошло, – отвечает бабушка, будто объясняя, почему никогда раньше об этом не рассказывала.

Они договариваются пойти завтра вместе к Аде. У них на балконе совсем недавно расцвели желтые нарциссы – бабушкины любимые цветы.

– Ада их тоже очень любила, – с грустной улыбкой говорит бабушка.

На следующее утро они с букетом нарциссов отправляются «навестить Аду», как сказала бабушка. Цветы несет Вика. Они такие свежие, душистые, в них столько жизни! Хочется хоть немного этой жизни подарить Аде... Вика с удивлением замечает, что ей здесь, на кладбище, теперь совсем не страшно. Может, потому, что она еще дома решила, что в этот раз просто не будет смотреть в глаза мертвых людей с фотографий на памятниках и крестах.

Могилка Ады издалека почти незаметна. Ее теснят со всех сторон огромные глыбы памятников. А сама она очень простая, скромная: над ней возвышается только железный крест, на котором закреплен портрет Ады в круглой рамке: выцветший, пожелтевший от времени. Но Ада на нем все равно такая же красивая, какой Вика видела ее на фотографиях в альбоме, которые гораздо лучше сохранились, и... в гостиной у себя дома. Красивая и словно живая. Смотреть Аде в глаза Вике почему-то не страшно.

Почти.

Пока бабушка разговаривает с Адой и делится с ней семейными новостями, Вика кладет букет нарциссов на могилу. Бабушка не просто рассказывает, но и делает паузы между словами, как бы давая Аде возможность ответить. Наверное, бабушке Ада тоже кажется живой. Интересно, она при жизни была такой же, какой Вика увидела ее недавно в гостиной? Неужели к ней приходила тогда сама Ариадна? Пришла и тут же снова вернулась в свой мир мертвых, не оставив

после себя ничего, кроме призрака в зеркале.

Трава неподалеку шуршит и колыхается. Вика присматривается и видит разноцветный клубочек, примостившийся у самого креста. Клубочек оказывается трехцветным котенком с голубыми глазками-пуговками.

– Ба, смотри, какой хорошенький!

Подойдя поближе, бабушка ахает:

– Да он же... вылитый Шустрик! У Ариадны был очень похожий котенок: трехцветный, с таким же черным пятнышком возле носа. Удивительно! Как будто и не было всех этих прошедших лет, и Ада все еще жива.

Голос бабушки снова дрожит – как тогда, когда она впервые рассказала Вике об Ариадне и показала ее фотографии.

– Правда, прожил он у нас недолго – потерялся. Наверное, убежал в лес рядом с нашим домом и заблудился, не смог вернуться назад. Или что-то с ним там случилось.

– Давай возьмем его с собой, ба? Мама с папой, может, будут сначала против, но мы же их уговорим, правда?

Котенок подбегает к Викиным ногам и начинает тереться о них. Бабушка соглашается на предложение внучки, поэтому Вика берет Шустрика на руки – так они котенка сразу и называли, а как же еще?

Напоследок взглянув на портрет Ады, Вика замечает, что там что-то изменилось. Да, точно: Ада прямо сейчас ей улыбается и кивает! Будто рада тому, что ее маленький друг нашелся, хоть и в другом времени, и теперь о нем позаботят-

ся ее родные. Руки холодеют и немеют от ужаса – Вика едва удерживает Шустрика. Еще один «привет» из мира мертвых! Вика тут же говорит себе мысленно, что ничего страшного не случится: Ада не может причинить ей зла, а маленький, безобидный котенок тем более. Вика снова смотрит на портрет: и тут вдруг Ада протягивает руку в черной ажурной перчатке прямо к Шустрику – хочет его погладить! Отскочив в сторону, Вика, стиснув котенка изо всех сил, выпаливает: – Ба, пойдем скорее домой!

О том, что она только что увидела, ей не хочется рассказывать – страшно, да и бабушка вряд ли поверит. Поэтому почти всю дорогу Вика молчит. Дома ей с бабушкиной помощью удастся уговорить родителей принять Шустрика в семью. Папа обещает купить вечером все необходимое для котенка.

Сделав уроки на понедельник, Вика достает перчатки Ады, которые она теперь держит в ящике своего стола. Какие они элегантные, роскошные, как искусно сделаны! Носить их Вике очень удобно и приятно: надев на руки, она их почти не ощущает – они словно становятся ее второй кожей. Но главное – то самое чувство, которое она испытывает каждый раз, когда перчатки на ней. Чувство, будто у нее может быть все, что было у Ады, – именно это и сказал ей призрак мертвой девочки в зеркале. Только вот как получить это «все»?

Пока все ужинают в кухне, Вика, не снимая перчаток, садится за пианино. В нескольких местах между белыми кла-

вишами виднеется что-то желтое: оказывается, это лепестки нарциссов. Еще одно «послание» от Ады? Вика собирает их и кладет в карман. Сейчас ей уже не так страшно, как в прошлый раз, когда она сидела здесь впервые в перчатках Ады. Совсем осмелев, она поднимает руки и начинает... играть. Да, играть по-настоящему!

Чуть слышно, будто опасаясь привлечь внимание слишком громкими звуками к тому чуду, которое прямо сейчас происходит с ней. Ее пальцы извлекают из неживого деревянного ящика настоящую, живую музыку: ту самую мелодию, которую Вика слышала в исполнении Ады. Пальцы в ажурных перчатках Ариадны. Волшебных перчатках!

В комнату входит бабушка и, с удивлением глядя на Вику, спрашивает:

– Ты сейчас играла на пианино? Или мне послышалось?

Вика, растерявшись и смутившись, чуть слышно бормочет в ответ:

– Да так, баловалась просто.

– Знаешь, а мне ведь показалось, что я слышу любимую мелодию Ариадны. Она ее сочинила сама и очень любила играть, выступая перед нашими родственниками и гостями. Мне тоже она очень нравилась.

– Да я ведь не умею играть, ба. Тебе послышалось.

Вике пока совсем не хочется раскрывать тайну волшебных перчаток Ариадны. Ей кажется, что если хоть кому-то рассказать об этом – даже бабушке, от которой у нее нет сек-

ретов, – то перчатки потеряют свою силу, а она сама – возможность этой силой воспользоваться.

Бабушка, не заметив на Вике перчаток и не заподозрив ничего странного, уходит в свою комнату. А Вика с восхищением и трепетом продолжает разглядывать свои руки в перчатках. Внезапно из коридора доносится резкий звук звонка настольного телефона. Им уже долгое время никто не пользовался – ведь у всех есть мобильные, – поэтому звонков таких давно не раздавалось. Никто из домашних почему-то не берет трубку, поэтому Вика сама подходит к телефону. В трубке слышится знакомый голос. Знакомый, но все равно шокирующий и пугающий:

– Ну что, Викуля, поняла теперь, как мое может стать твоим?

Голос Ариадны – точно такой же, каким Вика его запомнила со дня первой встречи с ней. То есть с ее призраком. Нежный, тонкий и звонкий. А сейчас кто с ней говорит? Тоже призрак, получается? И откуда? Неужели прямо... с того света? Ноги щекочет что-то пушистое. Вика вздрагивает. Шустрик пришел. Почувствовал, что где-то рядом – его хозяйка. Та, что когда-то была хозяйкой.

– Это совсем не про Шустрика, Викуль. Хотя он тоже был моим, а теперь – твой. Я так рада, что он нашелся! Я имею в виду талант. Мне не жалко – пользуйся на здоровье. Только помни, что за мое каждый раз придется отдавать что-то свое. Я не виновата, Викуль, – это не я придумала. Так уж

тут заведено.

Вике становится совсем не по себе, дрожащая рука вот-вот выронит трубку, а тут еще мама с папой выходят из кухни. Когда они подходят к Вике и с удивлением смотрят то на нее, то на телефон, она, резко выпалив: «Вы ошиблись номером!» – бросает трубку.

Глава 4

Восхитительный рисунок

После телефонного разговора Вика еще долго размышляет над словами Ады. Она думает об этом и в воскресенье, и в школе в понедельник. Ей кажется, что она уже знает, как можно получить то, что принадлежало Аде. Надо просто надевать перчатки, когда хочется сделать что-то особенное – то, для чего нужен талант. И, наверное, это сработает только с тем, что умела делать сама Ада. Кажется, она играла на пианино, пела, рисовала, танцевала – так говорила бабушка. Возможно, бабушка не все рассказала и Ада умела делать что-то еще? А теперь и Вика сможет. Стоит лишь надеть перчатки – и сразу же...

Но тут Вика вспоминает предостережение Ады: получив что-то принадлежавшее ей, придется отдать что-то свое. Ну и пусть. Что в этом такого? Ведь она получит не какую-нибудь ерунду, а самые настоящие творческие способности, о которых многие только мечтают! Да за такое она готова отдать что угодно!

К завтрашнему уроку ИЗО Вике нужно принести в школу рисунок под названием «Впечатление». Учительница Вера Федоровна дала задание изобразить то, что удивило, восхитило, вызвало сильные эмоции. Вика до сегодняшнего дня

не знала, что именно будет рисовать. Вообще, уроки рисования она не любила, потому что получалось у нее не то чтобы из рук вон плохо, но и не очень хорошо, из-за чего и оценки были так себе – и это дурацкое ИЗО портило ей весь табель. Но вот сегодня по дороге домой ей внезапно пришел в голову план. Она не только определилась с сюжетом рисунка, но еще и решила попробовать кое-что.

Вика достает из ящика своего стола альбомный лист, цветные карандаши и... перчатки Ады. Надев их, она снова чувствует, будто у нее появляется какая-то необыкновенная сила. В комнату тут же приходит Шустрик, садится напротив Вики и внимательно смотрит на нее. Точнее, на ее руки в перчатках – так ей кажется. Наверное, почуял даже из другой комнаты, что где-то неподалеку – вещь его бывшей хозяйки.

Время пролетает незаметно – много ли, мало ли секунд, минут, часов проходит на самом деле? – пока Вика выводит линии и контуры, раскрашивает, добавляет нужные штрихи, выписывает тени. Все получается у нее удивительно легко: она совсем не задумывается над движениями своей правой руки, почти их не контролирует. Останавливается она в тот момент, когда больше ничего добавлять уже не нужно: рисунок готов. На нем – гостиная Викиной квартиры, в ней – пианино, за которым сидит девочка в изумрудном платье и черных ажурных перчатках. То ли Ада, то ли сама Вика – они ведь так похожи.

Глядя на альбомный лист, Вика никак не может поверить,

что это ее собственное творение: она нарисовала это только что сама! Подумав немного, она дорисовывает еще кое-что, то есть кое-кого: Шустрика, сидящего у ног играющей на пианино девочки. Мысль о дорисовке кажется ей не ее собственной, а «подброшенной» в ее голову: это, конечно, подсказка Ады – она захотела, чтобы Шустрик был рядом с ней на рисунке.

На следующий день Вера Федоровна, проходя между рядами, собирает у ребят готовые работы. Подойдя к Вике и взяв у нее лист, она, взглянув на него, застывает и некоторое время ничего не говорит и не двигается – только смотрит с изумлением и восхищением то на Вику, то на ее рисунок:

– Это ты нарисовала? Сама?

Вика, покраснев, кивает. Ей кажется, что учительница не особо в это верит.

– И никто тебе не помогал?

Если сейчас ответить «нет», то это будет ложью – ведь ей помогала Ада. А врать Вика не привыкла, да и не умеет совсем. Но не рассказывать же прямо здесь и сейчас всем про девочку с того света и ее способности, которыми Вика теперь может пользоваться, надев волшебные перчатки? Ей ведь никто не поверит все равно. Да еще могут подумать, что она сумасшедшая, раз видит призраков и разговаривает с ними. Поэтому на вопрос учительницы она почти шепотом отвечает:

– Никто, я все сделала сама.

– Значит, ты отлично постаралась в этот раз! Вот, ребята, что значит усердие. Подойдите сюда – посмотрите, какая работа получилась у Вики.

Одноклассники по одному подходят к Викиной парте и с явным интересом разглядывают ее рисунок. Вика чувствует облегчение – кажется, ей поверили. Только она успевает об этом подумать, как Тата, подошедшая вместе со всеми, подает голос:

– А почему бы не проверить ее? Пусть нарисует что-нибудь прямо здесь, во время урока.

Вике становится жутко. Если Вера Федоровна согласится на это, что она будет делать, как выкрутится? И чего этой Тате неймется...

– На следующем уроке вы все будете рисовать прямо здесь – у меня для вас есть контрольное задание. Так что «проверку» пройдет весь класс.

Ответ учительницы совсем не обрадовал Вику. Тата хотела сейчас «наказать» ее за то, что она хоть в чем-то оказалась лучше нее, а отдуваться в итоге придется всем. От этого все равно не легче: надо будет что-то придумать, чтобы не упасть лицом в грязь. На уроке она, конечно, не сможет нарисовать что-либо так же хорошо, как у нее получилось дома в перчатках Ады. Значит... Значит, надо будет принести перчатки сюда с собой. Но над ней же все будут в лучшем случае издевательски хихикать, а в худшем – требовать объяснений, задавать вопросы, на которые Вике придется выду-

мывать какие-то ответы.

– Вера Федоровна, а когда художник сам себя рисует – это же автопортрет?

Тата все никак не успокоится. Слово «художник» она особенно выделяет и произносит его с презрительной миной, закатив глаза к самому потолку. Вера Федоровна утвердительно кивает.

– Так у нас тут, выходит, не просто картина, а самый настоящий автопортрет. Никто не заметил, что ли? Интересно, а когда нарисованный «художник» получается сам у себя гораздо лучше, чем он есть на самом деле в жизни, – вот это как называется?

– Ладно, прекращаем разговоры, – прерывает Вера Федоровна ядовитую речь Таты. – Рассаживайтесь по местам – продолжаем урок.

Вика очень благодарна учительнице за то, что она ее таким образом спасла. Только вот вряд ли Тата успокоится теперь. Это только начало. Она ведь уже не исключительная – для нее это серьезный удар, и она его не оставит без ответа – Вика в этом уверена.

После урока Вика, проходя мимо стола Веры Федоровны, видит на краю свой рисунок – ей хочется напоследок взглянуть на него. Склонившись над ним, она разглядывает Аду – ну или саму себя, – сидящую за пианино. И тут снова вместо девочки ей видится... скелет с черными дырами вместо глаз и костлявыми руками в черных ажурных перчатках! Кажет-

ся, голый череп ей подмигивает и улыбается прямо с рисунка!

– Что, любишь свой «шедевром»? Ну-ну. Проверим в следующий раз, твой ли он на самом деле.

Вика вздрагивает от неожиданности. Позади нее стоит и ухмыляется Тата. И ухмылка ее так похожа на оскал скелета, который Вика только что видела! Не сказав ни слова, Вика разворачивается и выбегает из кабинета.

Следующий урок – труд. Мальчики отправляются в свою мастерскую, а девочки – в кабинет со швейными машинками и прочими принадлежностями для занятий. Вообще, до сих пор девочки только готовили и вышивали, а в шестом классе начали шить одежду. Сначала – самую простую: фартук. Учительница, которую все называют просто Элеонорой из-за непроизносимого отчества, тогда похвалила Вику и поставила ей высший балл. Но и некоторым другим – тоже. Так что Вика не посчитала в тот момент, что ей есть чем гордиться. Однако домашние тоже сказали, что получилось отлично.

Самой Вике понравился не только готовый фартук, который она подарила бабушке, но и работа над ним: она заинтересованно и воодушевленно чертила выкройку, выбирала материал, сшивала элементы друг с другом, прокладывала строчку на машинке. Она даже начала искать в Интернете готовые выкройки брюк, юбок, платьев. Но вскоре случилась история с Ариадной – и Вика забыла о своем новом увлечении, забросила его.

Сегодня Элеонора объявляет, что с этого урока начнется работа над юбками. Все выберут себе какой-нибудь определенный фасон – тот, что больше всего по душе, – а потом она будет помогать им с выкройками и шитьем. Девчонки сразу оживляются. Юбку ведь шить гораздо интереснее, чем какой-нибудь фартук! Хотя и сложнее. Вика всегда носит самые простые юбки. Такие, которые можно купить в любом магазине. Идешь по городу – и по дороге замечаешь множество таких же или похожих. Вику это никогда особо не смущало, но сейчас ей захотелось вдруг чего-то особенного. То, чего нигде не найти. И не юбку даже, а... платье! Да-да. Ей вспоминается изумрудное платье Ариадны. Вот такое же она себе и сошьет. Нет, не такое же, а гораздо лучше – оно будет не похожим ни на какое другое. То есть попробует сшить. Ведь одно дело – фартук, а тут – целое платье. Никакие модные шмотки Таты не сравнятся с тем великолепием, которое Вика прямо сейчас уже рисует в своем воображении. К тому же купить то, что носит и чем хвастается Тата, любой дурак... любая дуручка может на родительские деньги.

А сшить – это значит получить что-то совершенно особенное: такое точно нигде не купишь, ни у кого в мире не будет ничего подобного!

Элеонора очень удивляется, узнав о выборе Вики.

– А ты уверена, что тебе не рано браться за такое сложное изделие? С фартуком ты отлично справилась, конечно, но платье...

Как будто она прочитала мысли Вики. Ну, не получится – значит, она в очередной раз убедится, что ни на что не способна. Вика смотрит на модно одетую Тату, которая увлеченно болтает со своей «свитой», вызывая восхищение и восторженные взгляды, как всегда не прилагая особых усилий. И внезапно уверенность в себе куда-то улетучивается. Как будто и не было только что никаких фантазий о шикарном платье, сшитом своими руками. Уникального, ни на что не похожего. Вряд ли что-то получится. Это слишком сложно. Попробовать, конечно, можно – уже ведь сказала Элеоноре, что будет шить именно платье, не отказываться же теперь от своих слов. Но надеяться на какой-то невероятный результат не стоит, да и просто глупо. Будь что будет. Начать, закончить и сдать готовую работу, чтобы в году вышла приличная оценка, – да и все. Зачем стараться, прилагать какие-то невероятные усилия? Снова пытаться безуспешно привлечь к себе внимание, чтобы перестать быть пустым местом? Все равно Тату не переплюнуть – и какая-то самодельная одежда точно не поможет в этом. После звонка Вика выходит из кабинета с поникшей головой и чувством безнадежности.

Глава 5

Исчезновение

Вечером перед очередным уроком ИЗО Вика не может думать ни о чем другом, кроме своего завтрашнего «испытания». А вдруг перчатки не помогут и у нее совершенно ничего не получится нарисовать? Или получится, но какая-то ерунда – только опозорится перед всем классом и Верой Федоровной. Они ведь от нее ждут такого же шедевра, какой она им показала в прошлый раз, но, скорее всего, чего-то даже более грандиозного. А если Вера Федоровна даст какую-то невероятно сложную тему, с которой не справилась бы и сама Ариадна?

Как только в мыслях Вики звучит имя Ады, тут же раздается звонок настольного телефона. Громкий, пронзительный, как в прошлый раз. Вика от неожиданности глотает леденец целиком, и он едва не застревает у нее в горле. Она уже знает, чей голос услышит сейчас. Но не взять трубку просто не может – рука сама тянется к телефону.

Снова звонок с того света:

– Викуля, вот видишь, все ведь получается пока? И совсем это не сложно. Удачи тебе на завтрашнем уроке! Не волнуйся: я буду рядом и обязательно помогу, чем смогу. Только не забудь надеть перчатки. И помни о том, что, взяв мое, по-

том однажды придется отдать что-то свое. Извини, что приходится напоминать тебе об этом. К сожалению, таков закон – не я это придумала.

Короткие гудки. Да, кстати: надо прямо сейчас положить перчатки в рюкзак, чтобы не забыть их! Вика наденет их только перед самым уроком: ходить в них по улице и по всей школе она не собирается. Разговоры и лишнее внимание ей ни к чему. А вот про «свое», которое нужно будет отдать взамен, Ада вовремя напомнила – Вика уже успела забыть об этом. Только вот почему-то до сих пор у нее, Вики, ничего не забрали те, кто придумал этот «закон» в мире Ариадны. Ведь она уже однажды использовала талант мертвой девочки для создания рисунка, который принесла в школу, показала всем и назвала своим. Значит, пока не время и это случится позже. И в том, что это обязательно случится, Вика не сомневается – Ада так уверенно говорила об этом несколько раз. А вдруг то, что заберут, окажется чем-нибудь очень важным? Хотя, если подумать: что у Вики такого важного есть сейчас? Если бы оно было, одноклассники не считали бы ее пустым местом, а жизнь не казалась бы ей такой блеклой и неинтересной. Может, все как-нибудь обойдется, и те, кто по «закону» забирает что-то взамен, ничего не возьмут у Вики, поняв, что у нее просто нечего брать?

Вика тяжело вздыхает и кладет трубку. Каждый раз, когда Ада говорит с ней по телефону, она чувствует себя так, будто стоит на сильном морозе в летней одежде. Она теряет са-

мые обычные человеческие способности: говорить, думать, двигаться. Кстати, она ведь даже ни разу ничего не ответила Аде! Что, если попробовать в следующий раз преодолеть свой страх и поговорить с ней? Вообще, давно пора бы уже перестать бояться Аду. Она ведь не желает и не делает зла – просто находится в мире мертвых, так стоит ли только из-за этого пугаться каждого ее звонка или появления в квартире? Это добрая и талантливая девочка, которая к тому же помогает Вике, делится с ней своими умениями. А еще они с Викой очень похожи внешне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.